

Библиотека Классической Литературы

Содержание

Андрей Турков
СТРОКА ГВАРДОВСКОГО

13

СТИХОТВОРЕНИЯ

РОДНАЯ КАРТИНА

31

ЯБЛОКИ

32

«СНЕГ СТАЕТ, ОТОЙДЕТ ЗЕМЛЯ...»

34

РАЗЛИВ ДНЕПРА

35

ЛЕС ОСЕНЬЮ

36

«РОЖЬ ОТВОЛНОВАЛАСЬ...»

37

УСАДЬБА

38

5

«ТРЕВОЖНО-ГРУСТНОЕ РЖАНИЕ КОНЯ...»

39

УТРО

40

СМОЛЕНЩИНА

41

ЛЕДОХОД

43

«ШУМИТ, ПРОБИРАЯСЬ КУСТАМИ...»

44

«СТОЛБЫ, СЕЛЕНЬЯ, ПЕРЕКРЕСТКИ...»

45

«ДОЖДЬ НАДВИГАЕТСЯ ВНЕЗАПНЫЙ...»

46

«НЕ СТАРЕЕТ ТВОЯ КРАСОТА...»

47

ДОРОГА

49

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

51

ИВУШКА

52

СЕЛЬСКОЕ УТРО

55

6

«ЗВЕЗДЫ, ЗВЕЗДЫ, КАК МНЕ БЫТЬ...»

56

ДРУЗЬЯМ

57

«РОЖЬ, РОЖЬ... ДОРОГА ПОЛЕВАЯ...»

60

БРАТЬЯ

61

ПЕСНЯ

63

КАК ДАНИЛА ПОМИРАЛ

65

МАТЕРИ

68

«НЕ ДЫМ ДОМАШНИЙ НАД ПОСЕЛКОМ...»

69

НОЯБРЬ

70

ДВЕ СТРОЧКИ

71

Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ

72

В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

78

7

О ПРОПИСКЕ

82

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

84

«МНЕ ПАМЯТНО, КАК УМИРАЛ МОЙ ДЕД...»

85

«НИ НОЧИ НЕТУ МНЕ, НИ ДНЯ...»

87

«СНЕГА ПОТЕМНЕЮТ СИННИЕ...»

89

«ЧАС РАССВЕТНЫЙ ПОДЪЕМА...»

90

«НЕ МНОГО НАДОБНО ТРУДА...»

92

«ВСЯ СУТЬ В ОДНОМ-ЕДИНСТВЕННОМ ЗАВЕТЕ...»

94

КОСМОНАВТУ

95

«ВСЕ СРОКИ КРАТКИ В ЭТОМ МИРЕ...»

97

«А ТЫ САМИХ ПОСЛУШАЙ ХЛЕБОРОБОВ...»

98

ПАМЯТИ МАТЕРИ

«ПРОЩАЕМСЯ МЫ С МАТЕРЯМИ...»

100

8

«В КРАЮ, КУДА ИХ ВЫВЕЗЛИ ГУРТОМ...»

100

«КАК НЕ СПЕША САДОВНИКИ ОРУДУЮТ...»

101

«—ТЫ ОТКУДА ЭТУ ПЕСНЮ...»

102

«В САМЫЙ УГОЛ ШАЛАША...»

105

«ДЕНЬ ПРОШЕЛ, И В НЕПОЛНОМ ПОКОЕ...»

106

«ИЮЛЬ – МАКУШКА ЛЕТА...»

107

«ПРОСЫПАЮСЬ ПО-ЛЕТНЕМУ...»

108

«ЕСТЬ ИМЕНА И ЕСТЬ ТАКИЕ ДАТЫ...»

109

«ЛИСТВА ОТПЫЛАЛА...»

110

«Я ЗНАЮ, НИКАКОЙ МОЕЙ ВИНЫ...»

111

«СТОЙ, ГОВОРЮ: ВСЕМУ ПОМЕХА...»

112

БЕРЕЗА

113

9

«ТАКОЮ ОТМЕЧЕН Я ДОЛЕЙ БЕДОВОЙ...»

115

«Я САМ ДОЗНАЮСЬ, ДОИЩУСЬ...»

116

«НА ДНЕ МОЕЙ ЖИЗНИ...»

117

«ДОПУСТИМ, ТЫ СВОЕ УЖЕ ОТТОПАЛ...»

118

«ВРЕМЯ, СКОРОЕ НА РАСПРАВУ...»

119

«К ОБИДАМ ГОРЬКИМ СОБСТВЕННОЙ ПЕРСОНЫ...»

120

«В СЛУЧАЕ ГЛАВНОЙ УТОПИИ...»

121

«ВСЕМУ СВОЙ РЯД, И ЛАД, И СРОК...»

122

«НЕТ НИЧЕГО, ЧТО РАЗ И НАВСЕГДА...»

123

«ЧТО НУЖНО, ЧТОБЫ ЖИТЬ С УМОМ?...»

124

«ТЫ ДУРА, СМЕРТЬ: ГРОЗИШЬСЯ ЛЮДЯМ...»

125

О СУЩЕМ

126

10

ПОЭМЫ

СТРАНА МУРАВИЯ

129

ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

211

Дом у дороги

373

За далью – даль

425

ТЕРКИН НА ТОМ СВЕТЕ

541

По праву памяти

599

РАССКАЗЫ, ОЧЕРКИ

АВТОБИОГРАФИЯ

619

О РОДИНЕ БОЛЬШОЙ И МАЛОЙ

632

СТРОКА ТВАРДОВСКОГО

Последнее воспоминание о нем: сидит, страшно исхудавший, возле большого дачного окна...

Незадолго до этого, в феврале 1970 года, многолетнее грубое давление всевозможных «руководящих инстанций» — ЦК КПСС, Главлита (а попросту сказать — цензуры), секретариата Союза писателей — вынудило Александра Твардовского покинуть журнал «Новый мир», главным редактором которого он был больше десяти лет и который за это время приобрел огромную популярность в нашей стране и даже за ее пределами.

В прошлом веке, испытав потерю такого же своего любимого детища — журнала «Отечественные записки», закрытого правительством, Салтыков-Щедрин горестно писал, что отныне «лишился употребления языка». Но то, что для великого сатирика было метафорой, гиперболой, для Твардовского стало реальностью. Лишившись журнала, не сумев опубликовать свою последнюю поэму «По праву памяти», он смертельно заболел и почти потерял речь.

Его окружали родные, навещали друзья, и все же на долгие часы он оставался наедине со смотрящей в окно поздней осенью, безлиственными деревьями, пожухлой травой, покуда в стекло не застучались, не заскреблись первые метели. (И не звучали ли в памяти последней декабрьской ночью строки из трагической главы «Василия Теркина»: «Смерть склонилась к изголовью: — Ну, солдат, пойдем со мной»?)

Вся жизнь, наверное, проходила в те дни перед глазами Твардовского, и он мог сказать о себе словами своего любимого героя:

Я загнул такого крюку,
Я прошел такую даль,
И видал такую муку,
И такую знал печаль...

«Василий Теркин»

...Ах, каким простым все казалось подростку, росшему на Смоленщине, как он напишет позже: «в захолустье, потрясенном всемирным чудом новых дней». Немало обязанный отцу, сельскому кузнецу, первыми задатками любви к книге, к чтению, он, став комсомольцем, теперь судил об «отсталых» взглядах Трифона Гордеевича со всей страстью и категоричностью юности.

Среди стихов «поэта-селькора», как именовали своего юного сотрудника смоленские газеты, были и такие, как «Отцу-богатею», а в одной из его первых поэм «отрицательным» персонажем был... кузнец Гордеич!

Много лет пройдет, прежде чем отцовская судьба предстанет перед Твардовским во всей сложности. Долгие годы он вынашивал замысел романа об отце, который, к сожалению, так и не удалось осуществить. Он и название придумал — «Пан». Так прозвали Трифона Гордеевича земляки за то, что тот всячески, весьма наивно и недальновидно подчеркивал свою особость, независимость, отличный от обычного деревенского склад жизни.

Но уже в поэме «За далью — даль» будут запечатлены и реальная картина «скудного выручкою» трудового дня мифического «богатея», и беглые портреты его бедных «клиентов». А в очерке «Заметки с Ангары», рассказывая о повстречавшемся выходце со Смоленщины, Твардовский писал, что, глядя на него, «невольнo вспомнил затылок покойного отца, такой знакомый до последней морщинки и черточки...». При всем лаконизме этого упоминания за ним ощутимо сильное душевное движение, всколыхнувшаяся память о человеке, с которым в юности шла такая непримиримая война.

На первых жизненных верстах отцовский образ сделался воплощением того обихода и уклада, от которых начинающий поэт стремился оттолкнуться, как отталкиваются от берега, отправляясь в плавание. Этот конфликт завершился уходом юноши из дома и началом самостоятельного существования как газетчика и литератора.

Готовы были мы к походу.
 Что проще может быть:
 Не лгать,
 Не трусить,
 Верным быть народу,
 Любить родную землю-мать,
 Чтоб за нее в огонь и в воду,
 А если —
 То и жизнь отдать.

Так вспоминал Твардовский в своей последней поэме давнее умонастроение — свое и друзей-ровесников. И, умудренный всем пережитым, прибавлял:

Что проще!
 В целости оставим
 Таким завет начальных дней.
 Лишь от себя теперь добавим:
 Что проще — да.
 Но что сложнее?

«Сложность» дала себя знать немедля. В пору начавшейся коллективизации в числе миллионов других несправедливо пострадала и «панская» семья, высланная на Север. Почти тридцать лет спустя, в 1957 году, набрасывая план пьесы о раскулачивании, Твардовский припомнил слова, сказанные ему в ту давнюю пору секретарем Смоленского обкома партии: «Бывают такие времена, когда нужно выбирать между папой-мамой и революцией». В тех же набросках запечатлена и дилемма, вставшая перед «младшим братом», в котором угадывается сам автор: «Он должен порвать с семьей, отказаться от нее, проклясть ее — тогда, может быть, он еще останется «на этом берегу», а нет — хочешь не хочешь — будешь «врагом», кулаком, которому никогда и ничем не отомолить себе прощенья у советской власти».

Происшедшее оставило в душе поэта тяжелейшую, незаживающую рану и в то же время положило начало долгому, мучительному, противоречивому отрезвлению от прежних наивных иллюзий. И уже совсем по-иному вспоминалась жизнь на отцовском хуторе в стихотворении «Братья», завершавшемся пронзительными строками: